
Георгий Гаврилович
Матюхин

**Французский коллега
сделал все, что он мог,
чтобы помочь сохранить
наш банк!**

После четырех лет работы в центральном аппарате Первого Главного Управления (политическая разведка) меня направили в Уругвай. Не успел я туда приехать, как уже вся колония знала, кто я такой — такая у нас была в то время конспирация.

Когда в Уругвае пришел к власти новый президент, Пачеко Ареко (он был предшественником установления в стране военном диктатуры), я уже был фактически засвечен. Пачеко Ареко, видимо, хотел как-то отблагодарить США, поэтому первой его акцией было выдворение из страны группы советских разведчиков. В их число попал и я.

Вернувшись домой, я понял, что для разведки я «сгоревший материал». Меня начали футболить из одного подразделения в другое. Это и послужило формальной причиной того, что я написал рапорт с просьбой об увольнении.

Такое в КГБ, видимо, случалось не часто и мне пришлось три года настойчиво добиваться своей цели. Наконец, в кадрах меня поняли (спасибо бывшему начальнику управления кадров ПГУ Пастухову Леониду Ивановичу) и только спросили, какую же благовидную формулировку выбрать. Согласились на такой — «по служебному несоответствию».

Пока шла процедура увольнения, я продолжал числиться в органах и работал, как говорят, «под крышей» сначала в Госплане СССР, а затем в Международном инвестиционном банке СЭВ.

Моя работа в Международном инвестиционном банке (МИБ), сначала 2 года на полной ставке, затем лет 15 в качестве консультанта, дала мне определенный практический опыт и в то же время позволила оценить профессиональный уровень наших банковских работников. К сожалению, этот уровень оказался значительно ниже, чем я представлял. А ведь в МИБе работали специалисты из центрального аппарата Госбанка СССР. Что же тогда говорить об уровне провинциальных банковских работников? Низкий профессиональный уровень банковских работников особо проявился при перестройке банковской системы на рыночные принципы работы в 1990–1992 годы.

Председателем МИБа в то время был Виталий Андреевич Воробьев, бывший до этого начальником Владивостокской конторы Госбанка. Он ничего не понимал в валютном обращении, не говорил ни на одном иностранном языке. Вплоть до того, что когда мы ему называли Chaise Manhattan Bank, он возмущался: «Почему я должен язык ломать — переведите как он называется!» Я Петру Терентьевичу Носко, с которым мы сидели в одном кабинете и сохранили хорошие отношения, как-то говорю: «Напишите ему, что в переводе это будет звучать как Банк охотников с острова Манхеттен!» А вот в чем он был силен, так это в том, какие обои приобрести, какую сантехнику установить.

Г. Г. Матюхин

1970–1973

Эксперт Международного инвестиционного банка СЭВ

1973–1980

Ведущий, а затем главный исследователь Института мировой экономики и международных отношений АН СССР

1980–1988

Профессор Всесоюзной академии внешней торговли.

1988–1990

Ведущий научный сотрудник Института Соединенных Штатов Америки и Канады АН СССР

**7 августа 1990 —
25 декабря 1990**

Исполняющий обязанности Председателя Правления Государственного банка РСФСР (с 2 декабря 1990 г. Центральный банк РСФСР (Банк России))

Однажды, например, он проводил собрание на котором инструктировал сотрудников, что ногами на унитаз становиться нельзя! За банк он, между тем, сильно переживал, это его и погубило. Все резервы банк держал в долларах. Неоднократно Воробьеву предлагали включить в резерв еще марку и иену. Но так как посоветовал нашему председателю держаться за самую надежную валюту — доллар приехавший однажды Рокфеллер, он свято этому поверил. В 1973 году произошла большая девальвация доллара, и банк потеряли 3 миллиона, Воробьев ужасно переживал, да и в ЦК его проработали. В результате у «банкира» не выдержало сердце.

На смену ему пришел Альберт Николаевич Беличенко. Это был, безусловно, компетентный специалист, с опытом работы в Цюрихе. До этого он возглавлял наш «Восход Хандельсбанка» (Wozkhod Handelsbank). После его прихода в МИБ, дела у банка пошли лучше. Я занимался в банке переводным рублем. Первые два года в штате, потом до 1983 года по договору.

В августе 1973 г. меня наконец «под чистую» уволили из КГБ и я поступил на работу в Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР (ИМЭМО). К тому времени я успел окончить заочную аспирантуру Московского финансового института и защитить кандидатскую диссертацию по теме «Международные региональные банки».

Кстати, в Финансовом институте я учился вместе с Виктором Геращенко на кафедре его отца. И у меня остались самые лучшие впечатления о Геращенко-старшем: знающий профессор, и характер у него прекрасный.

В 1974 г. вышла моя первая книга «Горячие деньги (проблемы спекулятивного, «блуждающего» капитала)», в 1977 г. — книга «Проблемы кредитных денег при капитализме», написанная на основании докторской диссер-

**25 декабря 1990 г. —
1 июня 1992 г.**

Председатель Центрального
банка РСФСР, а затем Цент-
рального банка РФ (Банка
России)

тации, в 1979 г. — «Мировые финансовые центры», в 1984 г. — «Рост дороговизны и инфляция в мире капитала». Всего я написал семь книг и опубликовал около 100 статей в журналах и отдельные главы в коллективных монографиях. Так что я имею определенное право судить об уровне профессионализма банковских работников. Тем не менее меня несколько раз публично обви-

няли в непрофессионализме, в частности, М. Ходорковский, тогда еще 30-летний молодой человек, председатель Совета банка «МЕНАТЕП», химик-технолог по образованию. Я бы не придавал его словам значения, если бы их не повторяли некоторые члены парламента и правительства, такие же «знатоки» банковского дела.

Попав в ИМЭМО, я оказался в совершенно иной, новой для меня атмосфере. Это была высокоинтеллектуальная среда, доставлявшая мне большое удовольствие, — общение с другими сотрудниками института во многом обогащало.

Важным событием моей жизни в стенах ИМЭМО была защита докторской диссертации и издание книги «Проблемы кредитных денег при капитализме». В ней я попытался несколько с иных позиций, чем это делалось до меня в советской научной литературе, ответить на вопросы: Что представляют собой современные деньги? Какова теперь роль золота? Что нового в функциях денег? Какова эволюция форм денег и чем она обусловлена? Какие деньги функционируют в международном товарообороте и в чем различие между мировым и национальным денежным обращением?

Хотя введение и заключение книги содержали принятый тогда набор ссылок на Программу КПСС, решения партийных съездов и пленумов ЦК КПСС как на стержневую директивную литературу (иначе опубликовать книгу было бы невозможно), основное ее содержание составил анализ теории денег К. Маркса и выводы, что в XX в. положения этой теории устарели. В частности, я писал, что золото потеряло денежные свойства. Мои выводы в некоторых аспектах были достаточно закамуфлированы, но «старая гвардия» политэкономов их сразу же разглядела, в результате на меня обрушился шквал критических статей, где меня обвиняли в отступничестве от марксизма, в его ревизии.

Особое усердие проявляли бывший заместитель министра финансов СССР И. Д. Злобин, доктора и кандидаты наук Л. Н. Красавина, В. С. Геращенко-старший, И. И. Конник, А. И. Стадниченко и др.

О характере критики можно судить, скажем, по статье А. И. Стадниченко (журнал «Деньги и кредит», 1978, № 7). В ней мы находим такие обвинения: «Г. Г. Матюхин допускает... вольное толкование некоторых положений К. Маркса», его позиция «не согласуется со взглядами К. Маркса», Г. Г. Матюхин «повторяет ошибки Тука и Фуллартона, которые в свое время вскрыл К. Маркс» и т. д.

В это же время как раз появилась статья во французском журнале «Банк» (1978, № 371), в которой Мари Лавинь, профессор университета

«Париж 1», высоко оценила мою книгу. В ответ на это по принципу «если враги хвалят, значит здесь что-то не так», завкафедрой политэкономии Московского университета Цаголов организовал в Доме ученых два разгромных обсуждения моих статей и книги. Открывая заседание, он сказал: «Я сам, правда, книгу Матюхина не читал, но она вредная».

Не довольствуясь открытой критикой в печати и на семинарах, И. Д. Злобин и двое его единомышленников написали письмо в ЦК КПСС. Реакция была незамедлительной и трем отделам ЦК (науки, международному и соцстран) было поручено изучить все мои работы для выявления крамолы.

Но, видно, время было уже не то, да и зубы у режима постерлись. В аппарате ЦК КПСС нашелся хороший человек Владимир Ильич Седов, сказавший, что ревизионизма в книге нет. Кроме того, в мою защиту выступил ИМЭМО, возглавляемый тогда академиком Н. Н. Иноземцевым, членом ЦК КПСС, членом Президиума АН СССР. От меня отстали.

Однако в 1980 г. я был вынужден из ИМЭМО уволиться.

При увольнении мне пригрозили в парткоме, что не дадут устроиться на работу и я буду прозябать в нищете. И действительно, куда бы я ни обращался по поводу работы, следовал телефонный звонок из Института, и мне отказывали.

Наконец я все же оформился на кафедру политэкономии Академии внешней торговли. Одновременно я начал работать на полставки сначала в Институте мировой социалистической системы (в отделе у Н. П. Шмелева) и на полставки в Институте США и Канады у Арбатова. Затем я перешел в Институт США и Канады на полную ставку.

Несколько раньше председатель Внешторгбанк обвинил меня в разглашении государственной тайны. Дело в том, что я опубликовал статью, в которой сделал предположение о количестве золота в государственном хранилище СССР. Официальных сведений не публиковалось. Золотой запас страны был страшной государственной тайной. Я же взял послевоенные запасы (они были известны), добавил ежегодную добычу и вычел ежегодную продажу золота (тоже по зарубежным источникам). Так я получил приблизительную цифру.

По наводке Юрия Александровича Иванова ко мне пришли два дознавателя — полковники или подполковники КГБ и начали меня трясти, выяснять мои источники информации. Поскольку я сам недавно еще был их коллега, «пытку» ко мне не применяли и быстро удовлетворились моими объяснениями метода подсчета.

Кстати, работая в ИМЭМО и интересуясь вопросами золота, я посетил в конце 1970-х годов советский банк «Восход Хандельсбанк» (Wozkhod Handelsbank) в Цюрихе (кажется, в 1977 году). Возглавлял его тогда Ю. Ю. Карнаух. Пробыл я там целый месяц. Мне уделили много внимания, все показали.

Юрий Юрьевич произвел на меня очень сильное впечатление! Потрясающий патриот, преданный своей работе. Он ходил постоянно с крас-

ными глазами, из-за того, что сутками работал за компьютером, следя за движением цены на золото для оперативного принятия решений. Прекрасно Карнаух говорил по-немецки, знал и редкий швейцарский диалект.

При мне цена на золото резко пошла вверх. Из Москвы Юрия Юрьевича стали подгонять, настаивать на быстрой продаже металла, готовы были выслать груженные самолеты. За его же действиями внимательно следил Deutsche Bank, у которого в Политбюро или Госбанке были свои люди. Немцы всегда точно узнавали о супер-супер секретном решении, когда придет в Цюрих на продажу очередная партия советского золота и эффективно сбивали цену. Так, я наблюдал, как цена с 120 чем-то долларов за тройственную унцию была снижена до 105 долларов! И тут прилетели наши «еропланы»! Верхи начали обвинять Карнауха, что он плохо занимается прогнозированием, и по-прежнему настаивали на продаже золота, хотя физической потребности в нем на рынке не было. Продавалось в день по 20 тонн, не более, но мы же не одни продавцы. Как объяснить людям из ЦК, что цена складывается не от продажи физического металла, а от спекулятивных операций, в частности, от реализации фьючерсов на золото.

Раньше бы Юрия Юрьевича вообще бы во вредительстве обвинили — ему доверили продать золото, а он саботирует! Ничем не отличался от мудрецов из Политбюро и Юрий Александрович Иванов. Спасая себя, он присоединялся к хору обвинителей, хотя винить надо было Москву, ибо как только мы продали свое золото, цена снова вернулась на прежние позиции.

В следующий раз я принял участие в «экспертизе» золота. Оно в разных партиях оказалось разного цвета. В «Credit Swiss» мне предоставили два бруска — один из них был явно более светлый. Покупатели же швейцарцев привыкли к более традиционному виду этого драгметалла. А проба на обоих брусках стояла одна «9999». В юности я был геологом, и это помогло мне разобраться с вопросом и убедить партнеров. Существует рассыпное и рудное золото, да и добывается оно на разных рудниках. Так вот эта ничтожная доля примесей в металле (меди, цинка или серебра) везде разная и она придает ему характерный цвет.

Тогда же вдруг появился большой спрос на самородки. Они вошли в моду, и за них платили намного больше, чем за золото в слитках. Юрий Юрьевич Карнаух написал в Москву письмо с просьбой, не плавить металл, а выбирать из мешков с золотым песком самородки и высылать ему. Наконец он получил ответ из Минфина: в министерстве нет штатной единицы для отбора самородков!

13 июля 1990 года Верховный Совет России принял постановление «О государственном банке РСФСР и банках на территории республики». 2 декабря 1990 года принял и ввел в действие закон о Центральном банке РСФСР и закон о банках и банковской деятельности на территории

России. Эти два закона создали правовую основу для формирования двухуровневой банковской системы в России: на первом уровне — Центральный банк, на втором — коммерческие банки. Чтобы создать двухуровневую систему, надо было прежде всего найти кандидатуру на должность Председателя Центрального банка.

В ту пору Хасбулатов только-только стал первым заместителем Ельцина как Председателя ВС. Поскольку Ельцин экономики никогда не знал, он передоверил все экономические вопросы своему первому заместителю. Хасбулатов, по образному выражению, был тогда «рабочей лошадкой», тянувшей весь воз забот Верховного Совета, в то время как Ельцин воевал с Горбачевым и Центром.

Мои знакомые из Плехановского института, где до этого работал Хасбулатов, попросили меня помочь ему в подготовке ряда экономических законопроектов. Лично я Хасбулатова тогда не знал, хотя его фамилия мне была хорошо известна — как-то он приходил в Академию внешней торговли оформляться заведующим кафедрой политэкономии — после смерти нашего предыдущего заведующего Плетнева. Но многие были против, и он не стал моим шефом.

Подготовленные мною бумаги понравились Хасбулатову, и на одном из совещаний экономических советников он предложил мне пост Председателя Центрального банка. Я согласился. Меня пригласили на беседу и представили Ельцину, Президент не был против. Кстати, в дальнейшем у меня не было ни одной личной встречи с Ельциным! В основном общались по телефону. Горбачев вообще никак не проявлял себя.

Через неделю после моего утверждения на Президиуме Верховного Совета, а было это 7 августа 1990 г., по моему предложению был назначен еще один российский банковский функционер В. М. Телегин (работавший в валютном управлении Госбанка СССР) — Председателем Внешторгбанка России. Мы с ним в аспирантуре в Финансовой академии учились, и я его знал.

25 декабря 1990 года Верховный Совет России утвердил меня в должности председателя Центрального банка республики (до этого я был исполняющим обязанности председателя правления Госбанка РСФСР).

Когда мы начали делать баланс ЦБ, он у нас был рублевый и валютной составляющей в пассивах у нас не было. Тогда мы попросили у правительства, уже не помню, кто нам разрешил, и взяли в Гохране 50 тонн золота. Эти бруски складировали в хранилищах на Октябрьской площади. Наш баланс пришел в норму.

До конца 1991 года до совзагранбанков меня не допускали, это была епархия Геращенко. Центральный банк России с ними совсем не взаимодействовал.

Но в ноябре произошло знаменательное событие — под угрозой оказалась судьба совзагранбанков. В Англии даже уже было сделано предписание — закрыть Моснарбанк. И в этой ситуации надо было принимать

оперативные меры по их спасению. Руководство Госбанка СССР, заявляю ответственно, для этого ничего не сделало!

Я тут же собрался и поехал в Париж и Лондон. Первым мне назначил встречу председатель центрального банка Франции Жак де Ларозьер. Мне дали на встречу только 15 минут, проговорили мы час сорок. Он рассчитывал встретить советского чинушу, не разбирающегося в рыночной экономике, а встретил, как мне потом сказали о его впечатлении, нормального, грамотного человека. Я объяснил коллеге, что Центральный банк России не бросит свои заграничные банки. И не станет равнодушно смотреть, как они тонут вместе с Внешэкономбанком СССР.

Да, у нас сейчас нет средств, чтобы серьезно им помочь, но дайте нам немного окрепнуть и мы решим все вопросы.

Жак де Ларозьер Шамфэ — с 1978 по 1987 года был директором-распорядителем МВФ, а с 1995 по 1998 год — Президентом Европейского банка реконструкции и развития — ЕБРР.

7 ноября 1997 года (т. е. в 80-летний юбилей Великой Октябрьской революции!) «за большой личный вклад в развитие экономического сотрудничества между Россией и Францией» Указом Президента Российской Федерации награжден Орденом Дружбы. Вручать его ездил Д. В. Тулин (прим. авт.-сост.).

Французский коллега сделал все, что он мог, чтобы помочь сохранить наш банк! И обещал мне всяческую поддержку в других странах Европы. С тех пор мы подружились с Жаком де Ларозьером, регулярно встречаемся. В 2006 году он приезжал в Москву по моему приглашению, был у меня на даче в Рязанской области, вместе мы посетили прекрасные алтайские места.

Говорили мы с ним по-английски. Как оказалось, на нем он в основном говорил в детстве, так как жил с родителями за границей, а его гувернантка была англичанкой. Только вернувшись на родину, он освоил французский. Заручившись парижской поддержкой, я отбыл в Лондон. Там произошел примерно такой же разговор, как в Париже. Здесь я, зная многовековые противоречия этих стран, уже давил на то, что во Франции принято решение наш Евробанк не закрывать. Мои аргументы неожиданно быстро и легко были приняты. Видимо, столь давно работающий на рынке Англии банк (с 1915 года!) им тоже не сильно хотелось самим закрывать.

Первый раз мы ходили в Банк Англии, кажется, вместе с председателем правления Моснарбанка А. П. Семикозом. Потом Александр Петрович самостоятельно готовил необходимые бумаги, по указанию председателя Банка Англии, урегулировал технические вопросы.

Кстати, урегулировав вопрос о судьбе совзагранбанков, я договорился с коллегами о проведении у них серии семинаров для руководителей Центральные банков республик бывшего СССР.

После Лондона я был еще в Вене — там у нас находится Донау-банк. Найти общий язык с дамой — председателем Австрийского Центрального банка, после договоренности в Париже и Лондоне уже не представляло сложности. Действовал я исключительно от имени Центрального банка. Уверенность мне придавали первая партия золота (50 т.), предоставленная из Гохрана в качестве золотого запаса. Денег не было и у Внешторгбанка РФ. Помогать он мог только чужими деньгами. О каких-либо дополнительных гарантиях правительства я не знаю. Е. Т. Гайдар был в то время во власти только две недели, и не думаю, что у него было время серьезно заниматься какими-то зарубежными банками. В. В. Геращенко же в конце 1991 года вообще не понятно кого представлял, и с ним на Западе серьезно никто не разговаривал! Шла ликвидация Госбанка СССР, в этом принимал участие, естественно, и Гайдар. Виктору Владимировичу, я думаю, в то время все было «до фонаря»! Продавать российские заграничные банки начали уже после прихода в Центральный банк Геращенко. Я бы на 100 % не дал этого сделать. Я бы ни за что не согласился! Я — государственный! Может быть, за моей спиной что-то и делалось, но я был не в курсе.

На прошлой неделе находившийся, по мнению наблюдателей, в критическом состоянии Московский народный банк (МНБ) официально объявил о результатах 1991 финансового года. Вопреки прогнозам, банк удержался на плаву — по заявлению его сотрудников, благодаря решению ЦБ России, по которому капитал МНБ увеличен, а необходимые резервы в центральной банковской системе Англии оплачены за счет средств ВЭБ СССР. Теперь ЦБ, в распоряжении которого находятся акции МНБ, рассматривает возможность их продажи за валюту заинтересованным российским коммерческим структурам. Многие из потенциальных претендентов на ценные бумаги МНБ, однако считают предложение ЦБ по меньшей мере неэтичным: акции по сути приобретены Банком России за счет замороженных в ВЭБ средств будущих покупателей. Как заявил представитель МНБ г-н Дэвид Тэйлор (David Taylor), несмотря на положительное сальдо баланса, в конце 1991 г. у банка возникли серьезные трудности — в ответ на объявленный Россией мораторий на выплаты внешнего долга государственный банк Англии (The Bank of England) потребовал от всех английских банков за счет собственных средств зарезервировать в центральной банковской системе Англии 30 % суммы задолженности их российских клиентов. Общая сумма кредитов МНБ российским клиентам составляет 553 млн фунтов стерлингов, и, соответственно, он должен был зарезервировать 131 млн ф. ст. Сформировать такой резерв за счет собственных средств банк оказался не в состоянии — полученная за 1991 г. прибыль составила всего 10, 7 млн ф. ст. На состоявшемся 23 декабря акционерном собрании МНБ было решено привлечь дополнительные средства, увеличив уставный капитал банка

на 300 млн ф. ст. путем эмиссии акций. Как сообщили представители МНБ, по решению ЦБ России оплата ценных бумаг производилась за счет хранившихся в МНБ средств Внешэкономбанка СССР. Кроме того, по имеющимся у ЦБ сведениям, оставшиеся на счетах МНБ депозиты ВЭБ распоряжением Георгия Матюхина были оформлены как субординированный (безвозвратный) кредит МНБ и перешли в его собственность.

Подобные финансовые операции не могли не вызывать недоумения у клиентов Внешэкономбанка, счета которых были заморожены еще 19 декабря под предлогом полного отсутствия средств. Деньги же, как выясняется, были, и немалые — но вместо того, чтобы вернуть их обманутым клиентам, ЦБ, как правопреемник обязательств ВЭБ, выкупает на них госсобственность.

Согласно февральскому постановлению ВС России «О мерах по стабилизации финансового положения зарубежных банков с участием капитала бывшего СССР», Центральный банк получил право оперативного управления совзагранбанками и принял на баланс все акции МНБ. В ведении ЦБ оказались также и вопросы распределения активов и долгов совзагранбанков между странами СНГ. Однако в связи с тем, что правопреемником финансовых обязательств СССР стала Россия, довольно естественным выглядит негласный отказ Банка России от планов передачи акций совзагранбанков претендентам из других государств Содружества.

По словам заместителя начальника валютного управления ЦБ Виктора Ракова, в ближайшее время ЦБ планирует продать часть акций заинтересованным российским коммерческим банкам и организациям. Что же касается порядка и критериев распределения ценных бумаг, то сотрудники ЦБ утверждают, что решение по этому вопросу еще не принято.

Представители коммерческих структур восприняли планы ЦБ относительно продажи акций как очередную попытку «загрести жар чужими руками». Учитывая, что перспективы возврата замороженных в ВЭБ денег остаются призрачными, платить за акции «живой» валютой означает, по их мнению, попросту платить дважды. В качестве одного из вариантов решения проблемы коммерческие банки предлагают выпустить на сумму замороженных в ВЭБ средств облигации, гарантированные правительством, и использовать их для оплаты акций совзагранбанков. Но такой вариант, по мнению экспертов ВЭБ, вызовет дальнейшую перепродажу акций западным фирмам с целью «оживления» валюты и поэтому абсолютно неприемлем для ЦБ.

Повлияет ли на требующий обязательного участия руководства ЦБ процесс приватизации Московского народного банка возможная отставка Георгия Матюхина (21 мая Президиум ВС России отложил вопрос об отставке до предоставления отчета о работе ЦБ) — пока неясно. Однако оппоненты главы ЦБ считают, что принимаемые им решения, касающиеся судьбы совзагранбанков, не выдерживают никакой критики.

Дмитрий Богданович, Дмитрий Симонов, Максим Акимов.

«ЦБ России рассчитывает на тех, кто способен наступать на грабли дважды» // Коммерсантъ (Москва). — 25.05.1992

28 апреля 1992 года по решению собрания акционеров Ost-West Handelsbank во Франкфурте-на-Майне, в собственность Токобанка, за 50 млн немецких марок, перешли 80,6% уставного капитала банка (прим. авт.-сост.).

Будучи председателем советов в Эйробанке и Донау-банке, я успел в 1992 году съездить туда на годовые собрания. Больше я с заграничными делами не имел.

Важным вопросом функционирования денежной системы России была судьба советского рубля. С распадом СССР начались разговоры о создании в бывших республиках собственных национальных валют. То есть новые государства решили пойти против объективных законов. В то время как в Европе, например, страны шли от экономической интеграции к единой валюте, наши республики пошли от интегрированных экономик к национальным валютам, которые и разрушили в конечном итоге экономическую интегрированность.

Понимая опасность подобных идей, Центральный банк России пригласил руководителей центральных банков всех бывших республик, включая страны Балтии, на семинары-совещания, посвященные сохранению для рубля единого экономического пространства. Усилиями Центробанка РФ такие совещания были дважды проведены в Париже и один раз в Лондоне. Большую помощь в их организации, включая оплату пребывания и лекторов, сыграл уже упоминаемый Жак де Ларозьер. На семинарах выступали известные теоретики и практики банковского мира, которые на конкретных примерах показывали бесперспективность стремления новых государств к собственным валютам.

Следует вспомнить и о том, что когда мы начали в декабре 1991 года работать с Внешэкономбанком, то обнаружили пропажу 12 миллиардов долларов валютного резерва и 300 тонн золота! Из-за этого мы, сотрудники ЦБ РФ, вынуждены были ездить в командировки за рубеж за счет принимающей стороны.

Когда меня приняли в сообщество коллег и я начал посещать совещания председателей центральных банков в Базель, то поставил вопрос о поиске пропавших денег. Мне обещали найти пропажу. Информация о моих поисках дошла до российских верхов. И это стало одной из причин моего быстрого снятия. Гайдар тоже, не зная о моих попытках, нанял американскую фирму для поиска денег, но вовремя остановился. Позже я выяснил, как уходили деньги и золото в октябре–декабре 1991 года. Этими средствами новая власть, видимо, откупалась от старой. На круизном корабле сначала по Волге, затем по Черному морю они покинули страну. А руководила операцией популярная тогда властная женщина, не сходившая с экранов телевизора.

Второй основной причиной моего снятия стало то, что мы в конце 1991 — начале 1992 г. провели переговоры с швейцарским банком «Credit Swiss»

о депонировании в его сейфах российского золота. Золото, находившееся в наших подвалах, они в критический момент достать не могли, поэтому оно не могло играть роль гаранта. Я тогда и предложил передать им на хранение часть нашего золота. «Credit Swiss» согласился его принять и даже платить Центральному банку России небольшой процент. Мы же могли бы использовать это золото в качестве залога под дешевые западные кредиты России и гарантировать работу наших заграничных банков. Мы предлагали разместить там всего 25 тонн. Приехав в начале 1992 года в Москву после окончания переговоров, мы начали пробивать свою идею. Депутаты и мои «доброжелатели» всполошились — опять Матюхин продает родину-мать! Дело в том, что, положив золото, я и главный бухгалтер Алякина должны были расписаться в передаточных документах. И потом, пока я живой, золото мог вернуть в течение 50 лет только я! Другие пути становились очень сложными. Снять с работы меня стало бы чрезвычайно трудно. И это напугало моих противников. В частности, еще тогда влиятельного Бурбулиса.

Защищать меня никто не стал. Мои кураторы в Верховном Совете были недовольны тем, что от меня им нет прямой выгоды — кроме памятных монет, выпускаемых Центробанком, я ничем их не обогащал!

Все это я рассказал не из-за того, что хотел приписать себе какие-то заслуги, хотя и исключить этого нельзя, а просто потому, что свидетели событий часто их искажают в свою пользу, особенно если видят в этом какую-то выгоду для себя. Мне же такого рода выгода не нужна, хотя бы потому, что я глубокий пенсионер, давно «выпавший из обоймы». В то же время объективность в освещении событий тех лет важна, ибо все равно рано или поздно она заявит о себе. На мой взгляд, в данном случае лучше раньше, чем позже — тогда исторический опыт сможет быть более эффективно использован на пользу банковской системы России.

